

сегодня Владимиру Высоцкому исполнилось бы 52 года

Моск. правда. 1990. - 25. янв.

Серебряные струны

Ах, как было все просто тогда! На старенькую «Язу» мы ставили огромные бобины и врубали. «Но что-то кони мне попались привередливые-е...» Однако за девять с половиной лет, прошедших со дня его гибели, «Язу» в нашем доме писали как не отвечающую духу времени, «Коней» переписали на плоские кассеты для «Электроники», но и это чудо отечественной промышленности уже успело развалиться, потому что... да, собственно, рассыпалось, и все. Теперь стоят на полке чудные диски — целых восемь. Чего стоило их доставание — целая эпопея! С глицевых конвертов молча смотрит Владимир Высоцкий, как и сб стены на прошлогоднем календаре, и этот календарь, видимо, никогда не состарится, потому что не поднимается рука его снять. И не поднимется.

Прекрасные диски нужно слушать на суперустановке, но ее нет у меня. А пленки от «Электроники» так заиграли, заслушали, запутали, оборвали, что и рабочий твой японский диктофон не спасает их.

Как все было просто тогда! Десять, двадцать лет назад. Куда ни поедешь, куда ни пойдешь — в метро ли, на пляж, просто на улицу, — услышишь знакомый хриловатый голос, с первых звуков которого, угадав слова, уже поешь про себя. Продолжаешь то, что услышалось, донеслось, уловилось.

И ведь доносилось. А вот потом как-то перестало. В соседних квартирах теперь врубают вечером по субботам бесконечно пошлых «одесситов». И ругаешь тонкие перегородки квартир, потому что о вкусах спорить не приходится. А вкусы, надо сказать, изменились. И, садясь в первую остановившуюся машину вместо такси, глхнешь от «сервиса» частного предпринимательства — Вилли Токарева или, в лучшем случае, Розенбаума. А любитель денег шибить доволен: все для клиента. Обслуга.

Время, наверное, изменилось. «Чтоб не стало по России больше тюрем, чтоб не стало по России лагерей» — этого теперь требуют громко. И по телевидению, и в кино, и в газетах. А что Высоцкий первый на всю страну крикнул, забыли, что ли... И что «на нейтральной полосе цветы необычайной красоты», тоже уже не открыты. Берлинскую стену порушили и ту полосу с Афганом восстановили, наверное. Устарел? В каком-то смысле, может быть. Сбылось, свершилось многое из того, о чем он один только и пел нам. Пел во всю мощь своего голоса, всей своей стремительной, сжигающей самое себя, обгонявшей время жизнью. И мы словно наматывали бесконечные магнитные ленты на свои души. Мы вторили его мыслям, произносили их вслух или про себя. Мы не могли жить без Высоц-

кого. Он первый сказал нам о том, что нам еще предстояло узнать. Сказал, спел — сердце переворачивалось, а вроде бы что особенного: «Ох, сегодня я отмажусь, ох, освоюсь, но сомневаюсь, что отможусь». И ведь

прав был. Отмыться — это уже никогда. С тем и живем сегодня. А завтра — «за меня другие отпоят все песни, и, быть может, выпьют за меня враги». Другие и поют. А враги... Теперь все любят Высоцкого. И враги

тоже. Те, кто не давал петь, не печатал стихов, те, кто не считал за поэта, те, кто запрещал «Таганку», те, кто не разрешал ему снимать свои фильмы.

Теперь легко любить Высоцкого. Сколько книг разом! По-

ток воспоминаний залил два года назад, 25 января, в день его пятидесятилетия, страницы всех газет, даже далеких от тем искусства. По заученной традиции, отмечаем только круглые даты. Навели глянец и поскущели, глядя на обилие незнакомых, в спецстолах лежавших фотографий.

...Допотопная голубая гибкая пленка. Я кладу ее на черную твердую пластинку и опускаю грубую иглу старой «Ригонды». Но мне мало двух песен. Я хочу слушать еще и еще. Как тогда — десять, двадцать лет назад. И, зная, что делать этого нельзя, все-таки достаю новенький черный диск из большого конверта-обложки. Опускаю на матовый блеск ужасную, затупленную иглу. Игла делает скачок вперед и вырывает несколько слов из песни: «Только б не порвали серебряные струны». Я физически чувствую: исцарапана не пластинка, игла по сердцу прошла. Нажимаю на «стоп». Жуткая светлая полоса перерезала нежные бороздки. «Загубили душу мне, отобрали волю, а теперь порвали серебряные струны».

Порвали, порвали...

Т. ГЛИНКА.

На снимке: выступление В. Высоцкого в г. Жуковском 20 февраля 1980 г. Снимок публикуется впервые. (Из архива «Дома Высоцкого на Таганке»).

Фото И. КОЗЛОВА.